

Summary

Izbash O. O. Collective management organizations copyright and related rights. — Article.

In this article we will analyse the features of legal status of organizations of collective management, which will allow to formulate conclusions in relation to the personal touches, inherent these organizations.

Keywords: author, implementation of work, reimbursement of losses, object of contiguous rights, phonogram, piece of music.

УДК 342.727:821

Ю. В. Хижняк

ПИСАТЕЛЬ И ВЛАСТЬ: О ПРАВЕ НА СВОБОДУ ТВОРЧЕСТВА

Проблема взаимоотношений в системе «государственная власть — общество — писатель» под влиянием разнообразных факторов то заостряется, становясь болезненной раной на теле общества, то утихает. От характера этих взаимоотношений зависит признание или непризнание за писателем права на свободу литературного творчества.

Занимаясь исследованием вопроса отображения правовой и государственной жизни в творчестве Булгакова, автор статьи обратился, в том числе, и к проблеме права на свободу творчества, а также отношений между писателем и властью. Данные вопросы являются актуальными для исследования ввиду творческой судьбы самого Булгакова и ввиду того, что они затронуты в романе Булгакова «Жизнь господина де Мольера». Это возможно проиллюстрировать следующими двумя фактами из биографии Булгакова и Мольера. В 1933 г. редактор серии «Жизнь замечательных людей» А. Н. Тихонов отказал М. А. Булгакову в публикации романа «Жизнь господина де Мольера». А в 1659 г. влиятельные лица, посетители салона мадам Рамбуйе, входящие в самый высший придворный круг во Франции времен Людовика XIV, настояли на снятии с постановки в театре пьесы французского драматурга Мольера «Смешные драгоценные».

Актуальность этого исследования также подтверждается и тем, что ситуации, в которых заостряются отношения между властью и писателем, возникали не только во времена Мольера, в XVII веке, или во времена Булгакова, в XX веке, но возникают и сегодня. Так, в 2011 г. директор киевского издательства «Фолио» Александр Красиовицкий публично выступил с критикой решения Шевченковского комитета о присуждении престижной Шевченковской премии по литературе в 2011 г. Василию Шкляру за роман «Черный ворон». Это произошло на заседании общественной организации «Собор гражданского согласия» во главе с министром образования Украины Дмитрием Табачником. В результате писатель отказался от государственной премии.

Целью данного исследования является выявление и анализ нарушений властью права писателя на свободу литературного творчества, а также анализ

взаимоотношений между властью и писателем на примере отношений, во-первых, М. А. Булгакова и И. В. Сталина, во-вторых, Мольера и Людовика в романе Булгакова «Жизнь господина де Мольера».

Чтобы определить понятие права на свободу творчества, необходимо выяснить, что такое свобода творчества. Под понятием «свобода творчества» следует понимать возможность лица по собственному выбору и в зависимости от своих возможностей определять сферу, содержание и форму творчества [1, 191–192].

Таким образом, свобода литературного творчества вряд ли может быть ограничена государственной властью. Когда писатель создал своё произведение, он уже реализовал свою свободу творчества, он самостоятельно избрал сферу, содержание и форму этого творчества. Но когда писатель решает своё творение вывести в свет, он вступает в правоотношение с государством. И тут мы уже перемещаемся в плоскость правовую и говорим уже не о свободе творчества, а о праве на свободу творчества.

Предусмотренное в ст. 309 Гражданского кодекса Украины право на свободу литературного творчества развивает положения, закрепленные в ст. 54 Конституции Украины и ст. 27 Всеобщей декларации прав человека.

Право на свободу литературного творчества является субъективным правом, которое состоит из следующих правомочий, являющихся структурными элементами его содержания:

1) возможность каждого человека заниматься всеми видами литературной деятельности в соответствии с его интересами и потребностями. Личность может иметь определенные задатки к тем или иным видам творчества. В то же время степень развития творческих способностей выражается понятиями таланта и гениальности. Однако если они отсутствуют, закон не может лишить человека права на свободу творчества;

2) возможность каждого человека заниматься литературной деятельностью как на профессиональной, так и на непрофессиональной (любительской) основе. Этому служит равноправие профессионального и непрофессионального творческого работника в области авторского права, права на интеллектуальную собственность, свободу распоряжения результатами своего труда, поддержку государства;

3) возможность требования, которая проявляется в понуждении обязанного лица создать необходимые условия для реализации права на свободу литературного творчества;

4) право притязания, которое означает, что творческий работник вправе обжаловать в установленном порядке действия лиц, государственных и иных органов, нарушающие его права и законные интересы, а также обращаться в суд за защитой своего нарушенного права;

5) возможность пользования социальным благом, заключающаяся в том, что творческий работник имеет право на свободу распоряжения результатами своей деятельности, на получение вознаграждения за свой труд. Он может также самостоятельно решать вопрос о выпуске своего произведения в свет, при-

дании произведению окончательной формы, имеет право на охрану результата творческой деятельности.

Следовательно, можно сделать вывод, что право на свободу творчества представляет собой комплексное субъективное право, состоящее из таких правомочий, как возможность действия, возможность требования соответствующего поведения от обязанного лица, право притязания, возможность пользования социальным благом по распоряжению результатами своей деятельности [2].

Гарантией осуществления права на свободу литературного творчества является запрет цензуры. Статья 45-1 Закона Украины «Об информации» определяет её понятие: «Цензура как требование, адресованное средству массовой информации, журналисту, главному редактору, организации, выпускающей средство массовой информации, его учредителю (соучредителю), издателю, распространителю, предварительно согласовывать распространяемую информацию (кроме случаев, когда такое требование поступает от автора указанной информации или иного субъекта авторского права и (или) смежных прав на нее), и (или) как наложение запрета (кроме случаев, когда такой запрет налагается судом) или воспрепятствование в любой иной форме тиражированию или распространению информации со стороны органов государственной власти или органов местного самоуправления, их должностных лиц запрещена» [3].

Разграничив понятия свободы творчества и права на свободу творчества, можно сделать вывод, что как Мольером, так и Булгаковым свобода литературного творчества была реализована. Право же на эту свободу было нарушено.

Судьба романа Булгакова «Жизнь господина де Мольера» является ярким примером морального насилия государственной власти и общества над художником. Ведь, как и многое другое из творчества писателя, этот роман при жизни автора так и не был опубликован.

Безусловно, «Жизнь господина де Мольера» — произведение во многом автобиографичное. Тщательно изучив необходимый исторический и литературный материал и осмыслив все перипетии судьбы великого комедиографа, осознав цену, которую тот заплатил за сохранение своих пьес и за существование своего театра, Булгаков создал биографию Мольера, основанную на достоверных фактах жизни своего героя. «Жизнь Господина де Мольера» — это своеобразная исповедь автора о своей собственной жизни в искусстве, повесть о трагедии художника, столкнувшегося с деспотизмом власти, это печальное, глубокое произведение о сложнейшем и опасном искусстве театра, искусстве сиюминутном и во все времена зависимом от общества и мнения сильных мира сего.

После того как Булгаков сдал рукопись романа в издательство, он получил развернутый отзыв редактора серии «Жизнь замечательных людей» А. Н. Тихонова. Отзыв был резко отрицательным, хотя и признавал достоинства булгаковского таланта. Замечания А.Н. Тихонова удивительным образом бьют именно по тем особенностям книги, которые делают ее привлекательной для читателей. Достаточно привести только некоторые фрагменты: «Ваш рассказчик страдает любовью к афоризмам и остроумию. Некоторые из этих афоризмов звучат

по меньшей мере странно. Например: «Актеры до страсти любят вообще всякую власть», «Лишь при сильной и денежной власти возможно процветание театрального искусства», «Кто разберет, что происходит в душе у властителей людей» и прочее в этом роде. Он постоянно вмешивается в повествование со своими замечаниями и оценками, почти всегда мало уместными и двусмысленными (о ящерицах, которым отрывают хвост, о посвящениях, которые писал Мольер высоким особам, о цензуре и пр.). За некоторыми из этих замечаний довольно прозрачно проступают намеки на нашу советскую действительность, особенно в тех случаях, когда это связано с Вашей личной биографией (об авторе, у которого снимают с театра пьесы, о социальном заказе и пр.)» [4, 532].

Творец может самостоятельно решать вопрос о выпуске своего произведения в свет, о придании произведению окончательной формы. Поэтому такое обоснование Тихоновым отказа публиковать роман является нарушением права писателя на свободу творчества и яркой иллюстрацией господства цензуры в государстве. Почему писатель, если он считает, что его творение обладает художественной целостностью, полностью отвечает первоначальному замыслу, должен его корректировать, чтобы добиться его публикации?

Ту же ситуацию рисует нам автор и в самом романе. Так, например, в одном из эпизодов пьесу Мольера «Смешные драгоценные» запретили к дальнейшим представлениям. И тогда драматург «решил прибегнуть еще к одному способу, для того, чтобы вернуть пьесу к жизни. Способ этот издавна известен драматургам и заключается в том, что автор под давлением силы прибегает к умышленному искалечению своего произведения. Крайний способ! Так поступают ящерицы, которые, будучи схвачены за хвост, отламывают его и удирают. Потому что всякой ящерице понятно, что лучше жить без хвоста, чем вовсе лишиться жизни» [5, 88].

Возвращаясь к истории с самим романом «Жизнь господина де Мольера», необходимо отметить, что Михаил Афанасьевич на предложение редактора пойти на вышеуказанный «крайний способ» ответил отказом. Читаем в его ответном письме А. Н. Тихонову: «Вопрос идет о полном уничтожении той книги, которую я сочинил, и о написании взамен ее новой, в которой речь должна идти совершенно не о том, о чем я пишу в своей книге....

Вы сами понимаете, что, написав свою книгу налицо, я уж никак не могу переписать ее наизнанку. Помилуйте! Итак, я, к сожалению, не могу переделывать книгу и отказываюсь переделывать. Но что ж делать в таком случае?

По-моему, у нас, Александр Николаевич, есть прекрасный выход. Книга непригодна для серии. Стало быть, и не нужно ее печатать. Похороним ее и забудем!» [4, 534].

На страницах романа Булгаков неоднократно затрагивает вопрос отношений между властью и художником. «Актеры до страсти любят вообще всякую власть. Да им и нельзя ее не любить! Лишь при сильной, прочной и денежной власти возможно процветание театрального искусства» [5, 46]. «Искусство цветет при сильной власти!» [5, 58]. Олицетворением же этой сильной власти для Булгакова был Сталин, а для Мольера — Людовик.

В романе Михаил Афанасьевич описывает отношения между Мольером как художником, с одной стороны, и Людовиком, как олицетворением власти, с другой. Карьера Мольера напрямую зависела от расположения короля, а иногда просто от его сиюминутных прихотей. Однако интересно следующее: несмотря на то, что власть пугает своими непостоянными предпочтениями («Непостоянны сильные мира сего! И дал бы я совет всем комедиантам. Если ты попал в милость, сразу хватай все, что тебе полагается» [5, 64]), но, с другой стороны, и надеяться более не на что; король — самодур, но он защитит [6, 537]. Ведь вспомним, куда в первую очередь обратился Мольер за спасением своей пьесы, когда ее сняли с постановки. «Было только одно лицо во Франции, которое могло исправить положение. Только у него можно было найти защиту в этом каверзном случае, ибо это лицо бесстрастно и беспристрастно и защищено от влияния каких бы то ни было литературных партий» [5, 87].

Сам же Булгаков неоднократно обращался к Иосифу Виссарионовичу с письмами, в которых искал защиты и поддержки со стороны вождя. После одного из таких писем (от 28 марта 1930 года) состоялся знаменитый телефонный разговор (18 апреля 1930 года) между ними, следствием которого стало трудоустройство писателя в Художественный театр. Интересен тот факт, что Булгаков неоднократно писал Сталину, хотя никаких особых заслуг, дающих ему право обращаться со своими болями и обидами напрямую к Сталину, у него не было [7, 458]. Следовательно, Булгаков питал огромные надежды в отношении поддержки и помощи со стороны Сталина, более того не переставал верить в то, что Сталин еще когда-нибудь захочет с ним лично встретиться. Ведь генсек сам предложил это во время их телефонного разговора («Нам бы нужно встретиться, поговорить с вами») [7, 451].

Нельзя исключать, что Булгакова Сталин отметил и выделил именно как художника, на что он сам много раз намекал в своих неофициальных высказываниях. Да и факты свидетельствуют об этом. Известно, что «Дни Турбиных» Сталин смотрел 15 раз. Эта цифра зафиксирована в театральных протоколах. Много писавший о Булгакове критик В. Лакшин, детство и юность которого протекали в непосредственной близости к МХАТу, считал, что эта цифра сильно занижена, поскольку вождь неоднократно приезжал на «Турбиных» в середине или к концу спектакля, и эти его посещения театра официально не фиксировались [7, 462–463].

Бенедикт Сарнов в своей книге «Сталин и писатели» предполагает, что такой интерес и восхищение этим спектаклем Сталин мог испытывать в силу своей скрытой приверженности монархическим идеалам. Неограниченный властелин полумира, создатель государственной машины, с которой не могла сравниться ни одна империя прошлого, земной бог, официальный титул которого (величайший гений всех времен и народов, корифей науки, гениальный полководец, основоположник, создатель, зачинатель, лучший друг физкультурников и проч.) далеко превосходил количеством и пышностью определений полный титул российских самодержавцев, он до конца своих дней не мог отделаться от комплекса неполноценности, от завистливого равнения на последне-

го отпрыска рухнувшей монархии. Поэтому не мог не вызывать у него восхищения и трепета полковник царской армии Алексей Турбин. Но в 20-е и 30-е годы Сталин вынужден был таить от своих «неистовых ревнителей» эту свою симпатию. И защищать от верных своих псов полюбившуюся ему пьесу Булгакова он мог только вот такими невнятными оправданиями: на безрыбье, мол, и рак рыба... [7, 470].

Для Булгакова же притягательность Сталина (а то, что Сталин завораживал воображение Булгакова, занимал его мысли — несомненно) состояла в том, что в России заново начала строиться государственность, уже не советская, не большевистская, но просто государственность как абсолютное воплощение власти.

То, что отношение писателя к государственной власти вообще и отношение писателя конкретно к советской власти не совпадали — в этом нет сомнения; и происходило так именно потому, что советская власть в представлении Булгакова была не вполне властью. Для русской культуры, в которой стихия, будь то разгул петлюровщины, или разбой чиновничества, всегда выступает губительной силой, — для этой культуры существует одна надежда — на государственность, олицетворяет которую правитель. А советская власть (по Булгакову) опиралась именно на стихию, в этом ее беда и ее ошибка. Писатель даже предрекал такой форме управления гибель, говоря, что сегодня Швондер натравливает пса Шарикова на профессора Преображенского, не понимая того, что завтра Шариков погубит самого Швондера.

Упрек советской власти, разрушившей русскую государственность, Булгаков предельно ясно сформулировал в пьесе «Иван Васильевич», где изобразил управдома, захватившего царский трон. В данном случае Булгаков довел до реального воплощения известную фразу Ленина о том, что кухарка сможет управлять государством. Попутно следует отметить, что Ленин говорил иное: надо поднять образование общества до такого уровня, а власть сделать народной до такой степени, чтобы и кухарка могла управлять государством. Как бы то ни было, Булгаков описал то, что, по его мнению, сделали кухарки и безграмотные партийные активисты, дорвавшись до власти. Вот сели в царских палатах два мелких негодяя, карманник и управдом, и вершат государственные дела, разбазаривают страну, воруя драгоценности, набивают карманы [6, 537–538].

Итак, мы видим, что писатель в своём творчестве иногда прямо, иногда иносказательно высказывает свои взгляды в отношении государственной, политической, правовой жизни. Ибо действительность, которая окружает творческого человека, не может не задевать его чуткой натуры, не может не влиять на его творчество. Булгаков говорил: «Я всегда пишу по чистой совести и так, как вижу! Отрицательные явления жизни в Советской стране привлекают моё пристальное внимание, потому что в них я инстинктивно вижу большую пищу для себя (я — сатирик)» (Из протокола допроса в ОГПУ, от 22 сентября 1926 г.) [8, 230–231]. Да, Михаил Афанасьевич писал то, что видел, преломляя это через свой талант, свою специфическую манеру. И описывал он, безусловно, действительность. А не было бы этой действительности — иногда абсурдной, иногда ужасающей, смогли ли бы мы наслаждаться вот таким Булгаковым?

Значит, выходит, что фразу из романа «Жизнь господина де Мольера» — «Искусство цветет при сильной власти!» можно толковать именно буквально. Не в том смысле, что искусство, которое в выгодном свете представляет власть, цветет, а в том плане, что, не имея возможности писать свободно, находясь в тисках цензуры, творческий потенциал писателя может больше раскрыться, чем в условиях полной свободы. Может, действительно, «творчество вопреки» порождает истинные шедевры? Таким вопросом невольно задаешься, когда вспоминаешь огромное количество талантливейших произведений эпохи тоталитаризма и пытаешься назвать сегодня такие произведения.

Проблема взаимоотношений между писателем и властью остается актуальной во все времена. В первую очередь потому, что Литература является средством влияния на сознание людей, она способна формировать мнение народа о власти и о праве. Кроме того, она отображает политическую и правовую жизнь общества. Произведения художественной литературы включаются как элемент в культуру общества, в том числе и правовую культуру, пополняя ее «фонды», ее потенциал. А при ознакомлении с этой культурой последующие поколения составляют мнение об определенной эпохе. И в этом смысле содержание художественных произведений, которое является, в том числе, и отображением взглядов писателя на государственную и правовую жизнь общества, не может оставаться незамеченным со стороны власти.

Литература

1. Цивільне право України : підручник. В 2 т. Т. 1 / за ред. Є. О. Харитонов, Н. Ю. Голубевої. — Х. : Одісей, 2008. — 832 с.
2. Колесова М. Конституционное право на свободу творчества в современной Беларуси [Электронный ресурс] / М. Колесова. — Режим доступа : lawtrend.org/ru/data/587/
3. Об информации : Закон Украины от 2 окт. 1992 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=2657-12>.
4. Соколов Б. В. Булгаков. Энциклопедия / Б. В. Соколов. — М. : Эксмо, Алгоритм, Око, 2007. — 831 [1] с. : ил. — (Энциклопедии великих писателей).
5. Булгаков М. А. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2 / М. А. Булгаков ; сост. и коммент. Л. М. Яновской. — К. : Дніпро, 1989. — 750 с.
6. Литературная матрица. Учебник, написанный писателями : сборник. В 2 т. Т. 2. — СПб. : Лимбус Пресс : Изд-во К. Тублина, 2010. — 792 с.
7. Сарнов Б. Сталин и писатели. Кн. 2 / Бенедикт Сарнов. — М. : Эксмо, 2009. — 832 с.
8. Михаил Булгаков / сост. : Л. В. Губианури, Ю. А. Воронцов. — К. : АБСОЛЮТ-ИНВЕСТ, 2007. — 409 с. — (Жизнь знаменитых людей в фотографиях и воспоминаниях ; вып. 1).

Аннотация

Хижняк Ю. В. Писатель и власть: о праве на свободу творчества. — Статья.

В статье рассмотрен вопрос отношений между властью и писателем на примере отношений Булгакова и Сталина, а также Мольера и Людовика в романе Булгакова «Жизнь господина де Мольера». Кроме того, в статье исследовано понятие права на свободу творчества.

Ключевые слова: право на свободу творчества, писатель, власть, автор, художественная литература.

Анотація

Хижняк Ю. В. Письменник і влада: про право на свободу творчості. — Стаття.

У статті розглянуте питання відносин між владою і письменником на прикладі відносин

Булгакова і Сталіна, а також Мольєра та Людовіка в романі Булгакова «Життя пана де Мольєра». Крім того, у статті досліджене поняття права на свободу творчості.

Ключові слова: право на свободу творчості, письменник, влада, автор, художня література.

Summary

Pijnyak Y. V. The writer and authority: about the right of creation. — Article.

The article deals with the issue of relations between the writer and authority by example of relations between Bulgakov M.A. and Stalin Y.V., as well as between Moliere and Louis XIV in the novel «The Life of Monsieur de Moliere» by Mikhail Bulgakov. The notion of the right of creation was also researched into.

Keywords: right of creation, writer, authority, author, artistic literature.

УДК 347.191

І. Я. Бабецька

КЛАСИФІКАЦІЯ ПЕРЕВАЖНИХ ПРАВ У КОРПОРАТИВНИХ ПРАВІДНОСИНАХ

Класифікація переважних прав покликана поєднати різноманітні та суперечливі прояви досліджуваних прав, пов'язати їх у єдину, цілісну систему [1, 55].

В цивілістичній літературі Російської Федерації зустрічається класифікація переважних прав тільки в цивільних правовідносинах (М. В. Субботин, С. Е. Никольський, Л. В. Кузнецова, Л. Ю. Леонова) [2, 55–83; 3, 52–74; 4, 129–177; 5, 44–60].

Підходячи до питання класифікації переважних прав у корпоративних правовідносинах, першочергово необхідно вказати, що в законодавстві така класифікація відсутня. Це, мабуть, пояснюється тим, що норми про переважні корпоративні права закріплювались за порядком надходження проблем щодо захисту інтересів визначеної законом категорії осіб. У цивілістичній літературі класифікація переважних прав досить рідко зустрічається, не говорячи вже про переважні корпоративні права.

Виходячи з цього, існує необхідність у виокремленні окремої групи — переважні права в корпоративних правовідносинах, здійснити їх класифікацію для визначення як загальних рис, так і індивідуальних властивостей. Тому метою даної наукової статті виступатиме здійснення класифікації переважних прав у корпоративних правовідносинах на базі норм законодавства та наукових досліджень.

Питання класифікації переважних прав в Україні досліджував науковець В. І. Крат в дисертації «Переважні права: цивільно-правовий аспект». Автор здійснив поділ переважних прав, взявши за основу сферу правовідносин, які вони супроводжують. Щодо переважних прав, які супроводжують корпоративні правовідносини, В. І. Крат поділяє на ті:

- 1) які виникають під час діяльності юридичної особи;